

УДК 37.017.93
ББК 74.00

DOI: 10.31862/1819-463X-2020-4-198-206

**АГИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
КАК ПРАКТИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА
ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ¹****С. Ю. Дивногорцева**

Аннотация. На протяжении тысячелетия в России происходило становление и развитие феномена православной педагогической культуры. Ее теория формировалась на основе обобщения опыта религиозно-нравственного развития и воспитания личности, представленного в том числе и в агиографической литературе. Целью настоящей статьи является характеристика доминирующих идей православной педагогической культуры с опорой на примеры из практики житий святых. Методологической основой исследования послужили философские и антропологические идеи – характеристики человека как личности и индивидуальности; идеи о детерминированном влиянии аксиологии на духовную культуру, разновидностью которой является православная педагогическая культура. В результате проделанной работы автор пришел к выводу, что агиографическая литература несет в себе значительный педагогический потенциал, поскольку на наглядных примерах показывает правильно с точки зрения православного вероучения выстроенную жизнедеятельность индивида; она иллюстрирует те теоретические положения и духовные доминанты православной педагогической культуры, которые отражают ее ценностную ориентацию, эталоны, служащие основой для выстраивания и верификации поведения православного христианина. С этой точки зрения агиографическая литература может быть названа практической педагогикой в православной культуре и может подлежать изучению с целью фиксации и воспроизведения эталонной высоты образа духовно и нравственно развитой личности.

Ключевые слова: агиографическая литература, православная педагогическая культура, духовные ценности.

¹ Статья поддержана грантом Фондом развития ПСТГУ «Школьное религиозное (христианское) образование в России и за рубежом: исторический опыт, проблемы и перспективы».

HAGIOGRAPHIC LITERATURE AS A PRACTICAL PEDAGOGY OF ORTHODOX CULTURE

S. Yu. Divnogortseva

Abstract. *Throughout the millennium, the phenomenon of Orthodox pedagogical culture has been developing in Russia. Its theory was formed on the basis of the generalization of the experience of religious and moral development and upbringing of personality, presented, among other things, in hagiographic literature. The purpose of the article is to characterize the dominant ideas of Orthodox pedagogical culture, based on examples from the practice of the lives of saints. The methodological basis of the research was philosophical and anthropological ideas - characteristics of a person as an individual personality; ideas about deterministic influence of axiology on spiritual culture, a variety of which is Orthodox pedagogical culture. As a result of analysis, the author concludes that hagiographic literature has a significant pedagogical potential, as it illustrates, from the point of view of the Orthodox faith, the built up activity of the individual; it illustrates the theoretical provisions and spiritual dominants of the Orthodox pedagogical culture, which reflect its value orientation, standards that serve as a basis for building and verification of the behavior of an Orthodox Christian. From this point of view, hagiographic literature can be called practical pedagogy in Orthodox culture and can be studied in order to fix and reproduce the standard height of the image of a spiritually and morally developed person.*

Keywords: *hagiographic literature, orthodox pedagogical culture, spiritual values.*

С началом Крещения Руси в отечественном социокультурном пространстве сформировался феномен православной педагогической культуры, «объем содержания которого включает в себя теоретические представления о духовно-развивающей деятельности, а также опыт религиозно-нравственного воспитания и обучения личности» [1, с. 13]. Известно, что теория и опыт в педагогике взаимосвязаны. Теория формируется в процессе изучения педагогического опыта, обобщение которого позволяет разрабатывать на его основе различные методические материалы и внедрять лучшие, положительно зарекомендовавшие себя достижения в педагогическую практику. Не стало исключением и развитие православной педагогической культуры, основой формирования теории которой стал опыт Церкви по организации религиозно-нравственного развития и воспитания личности, а также личный опыт выстраивания духовной жизни. Этот опыт долгое время не был предметом специального педагогического исследования, но был описан в древнерусской литера-

туре, в житиях святых, в святоотеческих трудах, в произведениях русских религиозных философов. В XIX в. появляются специальные педагогические труды, раскрывающие идеи и теории воспитания и обучения личности в контексте православной педагогической культуры. В XX в., прежде всего в среде русского зарубежья, окончательно формируется православно-педагогическая парадигма, представляющая собой совокупность педагогических идей, детерминированных положениями православного вероучения, содержащая ряд духовных доминант, отражающих ее ценностную ориентацию, эталоны, служащие основой для выстраивания и верификации педагогической деятельности в свете этой парадигмы. В XXI в. это наследие заново открывается исследователями после почти 70-летнего забвения и исключения из контекста развивавшейся педагогической мысли, анализируется, обобщается, дополняется в связи с новыми социокультурными реалиями современной жизни.

В данной статье выделим выявленные нами наиболее значимые духовные доми-

нанты православной педагогической культуры и покажем их отражение в практике на примере обращения к агиографической литературе (житиям святых). Отметим, что житийная литература самым непосредственным образом укоренена в христианской культуре и ей, наряду с богословским модулем, органически присущ педагогический контекст. В каждом житийном тексте открываются возможности для нахождения педагогических смыслов; они буквально насыщены религиозно-педагогической составляющей без теоретизирования. Святость, бытие святым выступает как своего рода практическая христианская педагогика, на основе обобщения которой развивалась и развивается теоретическая мысль в контексте православной педагогической культуры. Описание этой практической педагогики, педагогики святости, является, на наш взгляд, актуальной задачей сегодняшнего дня, поскольку она может быть, в отличие от теоретической педагогики, предназначена для индивида, не получающего систематическое педагогическое образование, но желающего иметь наглядное представление о православной педагогической культуре и ее духовных доминантах. Таким образом, ключевой задачей статьи будет обоснование педагогического потенциала житийной литературы – показ истинной духовной реальности, явленной в мире видимом; наглядное обоснование духовных доминант православной педагогической культуры.

Если обратиться к началу христианской истории нашей страны, то следует отметить, что с принятием Русью христианства явилась насущная потребность усвоения населением иных, христианских законов жизни, ценностей, смыслов, воспитания. Оно осуществлялось как через церковную проповедь, так и через образование, которое изначально и довольно долгое время носило исключительно религиозный характер. Основными источниками знания выступали Священное Писание, святоотеческая литература. Наглядный пример, описание опыта благочестивой христианской жизни, ставшей основой для последующих обобщений

и появления педагогической теории, давали появлявшиеся переводные, а затем и отечественные жития святых, содержание которых в плане воспитательного воздействия на личность носило богословско-педагогический характер. Агиографическая литература вошла в письменную и устную словесную традицию в качестве «репрезентации бытия *по подобию*, то есть бытия человеком в христианском смысле, в виде осмысленных подражаний Иисусу Христу...» [2, с. 149–150]. Для формировавшегося христианского сознания и мировоззрения при восприятии богословско-педагогической теории важно было, *что* в контексте этой теории, *где* и *кем* сказано. Причем «что», «где» и «кем» стало носить безусловный характер, и агиография, которая включала в себя эти «что», «где» и «кем», со временем фактически стала частью Священного Предания. «Разумеется, – отмечает М. Л. Тузов, – статус агиографического произведения не мог быть буквально приравнен к статусу Библии, догматов, однако он имел, по сути дела, столь же стабильный и фактический нормативный характер» [2, с. 150].

От свидетельства и опыта святых неотделимо понятие «святость». Прот. А. Шмеман считал, что понятие «святость» имеет два толкования [3, с. 38]. Прежде всего, оно применяется к довольно небольшому кругу людей, жизнь и духовные подвиги которых стали определенным идеалом, нормативом для остальных христиан и которых Церковь канонизировала. В то же время апостол Павел говорил: «Разве вы не знаете, что вы куплены дорогою ценою, что тела ваши суть храм Святого Духа и вы не свои?» (1 Кор. 6:19–20). Поэтому на Литургии все христиане именуются святыми: «Святая – святым». Это означает, что каждый человек, согласно представлениям христианской антропологии, несет в своей личности образ Божий как онтологический дар Божий, как свою духовную основу, который не стираем в нем и не уничтожим даже грехом, но может быть не проявлен. Это ключевое положение диктует православной педагогике необходимость признания в каждом из людей феномена

уникального личностного начала. Кроме того, оно означает, что никакая ущербность – физическая или умственная – не разрушает сущности человека как личности, что отражено, например, в житии святой блаженной Матроны Московской. Кроме того, это означает и то, что, какое бы духовное или душевное повреждение человек ни причинял себе, в нем не может исчезнуть образ Божий: яркий пример тому – житие Марии Египетской, раскрывающее образ бывшей блудницы, через покаяние достигнувшей вершин подвижнического жития, ставшей «ангелом во плоти» [4]. То же самое утверждается и в отношении действий других людей: никто из них и никогда не может уничтожить образ Божий в другом человеке. Из наличия в каждом из людей образа Божия выводится следствие этического характера, диктующее норматив взаимодействия в православной педагогической культуре – *признание личностного начала и глубокое уважение*.

Одновременно в человека заложено и подобие Божие, данное в возможности, как потенциал духовного развития, как «возможность *образ Божий*, сокровенное достояние наше, *воплотить в жизни, в личности*, и таким образом явить его в лице» [5, с. 357]. Таким образом, святость – то, что заложено в каждого, и одновременно идеал развития личности в православной педагогической культуре, к которому каждый может приблизиться, поскольку всем дана свобода и разумность. Причем необходимо понимать, что мы не владеем абсолютной свободой, то есть свободой не быть свободными, но лишь свободой выбора между добром и злом. Если человек взращивает в своем развитии добро, он становится подобием Божиим – «преподобным». Апостол Павел, называя такого человека «новым» (Еф. 4:24), подчеркивал этим обновленность его ума, сердца, воли и тела, насыщенность «Божественными энергиями своего небесного первообраза» [6, с. 31]. В такого рода контексте святые – это «*явленное* (курсив В. Лепяхина. – С. Д.) благодатное двуединство видимого образа и невидимого Первообраза» [7, с. 31], что

изображено либо в иконописном образе, либо в житии – «иконе в слове». К такому обновлению себя устремился, например, после крещения святой равноапостольный князь Владимир, житие которого рассказывает, что он старался быть настолько милостивым и милосердным, что даже за великую вину откладывал казнь злодеев, боясь греха. К такому же преображению себя, перемене мыслей и действий устремилась и преподобная Мария Египетская, которой через потрясение открылось зрение внутрь себя и осознание своей греховности.

В то же время человек может употребить свою свободу выбора между добром и злом и в противоположном направлении, и парадокс здесь состоит в том, что, нарушая границы добра, нравственно дозволенного, человек свою свободу теряет, он становится рабом своих страстей, освободиться от которых не так легко. Преподобная Мария Египетская, поработенная грехом, уже не могла проявить «никакой сознательной направленности своей воли к воле Божьей» (и в этом, как справедливо отмечает Л. Г. Дорофеева, отличие ее жития от многих других) [7, с. 150]. В данном случае «здесь все происходит стремительно, чудесно, мгновенно – и властно со стороны Бога. Некая неведомая для нее сила не пускает ее в храм, куда входят абсолютно все пришедшие. И через это потрясение открывается зрение Марии, причем открывается именно *внутри себя*» [7, с. 150–151].

Религиозный философ и педагог русского зарубежья протоиерей Василий Зеньковский отмечал, что свобода человеку скорее «*не дана, а задана*»: он призван к свободе, но пребывать в ней ему очень трудно, поскольку это дар Божий, не данный как «готовый» [8, с. 43]. В своем пределе такая постановка выбора между добром и злом стояла перед первыми русскими святыми князьями-страстотерпцами Борисом и Глебом. В их житии говорится, что, когда их брат Святополк задумал истребить других братьев и сесть на Киевский престол, у Бориса была крепкая дружина, которая была верна ему и которая готова была помочь Борису самому сесть в

Киеве на княжеский стол. Но в ответ на это предложение Борис отвечает отказом. Он, уже воспитанный своим отцом, святым равноапостольным князем Владимиром, в духе христианства, следования добру и любви, не может поднять руку на брата. Ради этой христианской правды, любви и добра он готов был и принести себя в жертву, выбрав путь принятия страдания, так же, как и Христос. Этот добровольный мученический подвиг характеризует еще одну особенность личности человека, воспитанного в контексте православной педагогической культуры – следование Христу, любви ко Христу и его заповедям («Слава, тебе, Господи, за все, ибо удостоил меня... принять сию горькую смерть и претерпеть все ради любви к заповедям Твоим»). Эта Христоцентричность в своей максималистичности отражена в житиях мучеников, которые, повторяя победу Христа над смертью, свидетельствуют о Христе и входят в «Царство Христово» [7, с. 44]. Путь спасения не обязательно должен быть мученический, у каждого из святых он был свой, «но этот “свой” путь в житии есть всегда путь Христа» [7, с. 54]. Это мог быть путь непрерывного апостольского служения тех, кого мы называем равноапостольными, как, например, святого Николая, архиепископа Японского; путь уединения и молитвы таких, как преподобный Антоний Печерский или Серафим Саровский; путь целомудренной семейной жизни и в благонравии воспитания детей таких, как родители преподобного Сергия Радонежского преподобные Кирилл и Мария Радонежские и т. д. Таким образом, христоцентричность как следование Христу и Его заповедям можно назвать не просто важнейшей, но *исходной* духовной доминантой православной педагогической культуры, *идеалом* ее воспитательной системы.

Христоцентричность, верное усвоение личностью дара внутренней свободы – это есть одновременно и путь, и задача воспитания и самовоспитания личности. Эти духовные доминанты православной педагогической культуры нацеливают педагогический процесс на спасение личности и развитие в

человеке нравственных начал. Но не менее важной составляющей воспитания является собственная направленность личности к Богу, к добру, свободное открытие сердца к принятию благодати. Таким образом, в православной педагогической культуре сложилось понимание воспитания как *трехстороннего* процесса – воспитание человека Богом, самовоспитание, воспитание значимыми взрослыми. В житиях святых часто прямо указывается на эту трехсторонность воспитательного процесса. Как правило, воспитание будущего святого происходит в семье благочестивых родителей. Их усилия как педагогов по религиозно-нравственному воспитанию, тем не менее, являются необходимым, но не достаточным условием будущей святой жизни их ребенка. Вырастая в духовной среде, с юных лет святой испытывает желание следовать Христу, видя предел этого следования в иноческом образе жизни. Так, например, начинается житие преподобного Антония Печерского, но в котором далее говорится о промысле Божиим в его судьбе: «И вложил ему Господь в сердце намерение идти в Греческую землю и там постричься...» [9, с. 46]. В то же время в реализации этого промысла не менее важную роль сыграло горячее желание праведной жизни и моления самого Антония.

Святой Климент Александрийский подлинным и реальным для каждого христианина Педагогом называл Иисуса Христа, утверждая, что Он совершает личное попечение о каждом и лично каждого ведет ко спасению. Но это не исключает ни собственных усилий личности, ни инициативы и активности в деле ее воспитания и развития других людей. Такого рода яркий пример промысла Божия и Его личного попечения описан в житии преподобного Сергия Радонежского, рождению которого предшествовало знамение: однажды, когда мать была в церкви, ребенок трижды воскликнул громким голосом в материнском чреве: в начале Евангелия, перед пением Херувимской песни и в момент, когда священник возгласил: «Вонмем, Святая святым!» Благочестивая женщина поняла, что это особое указание Божие, призва-

ние, на которое она откликнулась особым постом, воздержанием и молитвой, а затем и воспитанием своих детей в благочестии и целомудрии. Пример синергии человеческих психофизических сил и благодати Божией мы находим и в житийном описании учения отрока Варфоломея (преподобного Сергия Радонежского). Учение ему, в отличие от братьев, не давалось, о чем и Варфоломей, и его родители печалились. В горячей молитве мальчик испрашивал себе у Бога дар понимания науки, который и был ему в итоге дан.

Таким образом, еще одной духовной доминантой православной педагогической культуры является необходимость поиска и полагания на волю Божию, стремление ее исполнить, направляя свою свободу в сторону добра. Попечение Бога, проявляясь в земном, в конечном итоге нацелено на спасение личности. Именно Божией благодати принадлежит первенство в деле спасения. Но, повторим, в контексте православного вероучения и антропологии спасение личности возможно лишь при условии направленности чело-веческой воли к Абсолютной Истине и свободном открытии сердца. Необходимость духовного подвига для спасения есть обязательное условие качественной в нравственном плане человеческой жизни, согласно православному вероучению, поскольку праведность в конечном итоге не может быть ему вменена ни Богом, ни другими людьми. Практически каждое житие святого рисует нам картину такого рода свободно избираемого духовного подвига. По своей доброй воле и благодати Божией удаляются преподобные Сергий Радонежский и Серафим Саровский в пустынножительство, принимают подвиг юродства святая блаженная Ксения Петербургская и подвиг отречения от благ мира и заботы о страждущих преподобномученица великая княгиня Елизавета, житие которых стало гимном любви к ближнему, живым отрицанием смерти любимого человека и веры в вечный союз с ним, олицетворением торжества бессмертия.

Одновременно жития этих и многих других святых иллюстрируют другую важнейшую идею православной педагогической культу-

ры – ее другодоминантность, выражающуюся в служении человека Богу и другому человеку, невзирая на нравственные качества другого. Так, в житии преподобного Силуана Афонского есть эпизод, когда он в беседе с одним монахом-пустынником услышал от него о том, что Бог накажет всех безбожников, которые будут гореть в вечном огне. В ответ на это старец со скорбным лицом заметил, что любовь не может этого понести, и стал с этого дня молиться за всех; ему стало не присуще молиться только за себя.

При этом служение другому в житиях святых выступает как молитвенное, так и деятельное. Примером же их соединения может быть житие преподобномученицы великой княгини Елизаветы, основавшей по смерти мужа Марфо-Мариинскую обитель для бедных и страдающих и в основу ее положившая устав монастырского общежития. В ней она построила храм, открыла больницу, аптеку, воскресную школу, приют для девочек, библиотеку, столовую для бедных, «соединив, таким образом, высокий жребий евангельской Марии, вмещающей глаголам вечной жизни, и трудолюбивый подвиг Марфы – служение Господу через помощь ближнему своему» [9, с. 325].

Признание факта воспитания человека Богом и обязательность самовоспитания личности как способность человека к рефлексии, направленной на осознание себя и своих недостатков, порочных наклонностей, покаяние в них, искреннее желание исправления, – можно назвать внутренними факторами воспитательного процесса в православной педагогической культуре, которые ни в коей мере не исключают работу педагогов, направленную на включение ребенка в деятельность, обеспечивающую опыт духовно и нравственно выстроенной жизни. Духовное развитие человека, как правило, не начинается само по себе. Его начало может положить личностный пример и эталон поведения другого, в том числе увиденный в житиях святых, которые «учительны» в том плане, что обращают внимание личности на внутреннюю жизнь, помогают заглянуть внутрь себя, в глубину своей души. Важно помнить и то, что сам

облик педагога, одинаковый с ребенком настрой души, сердечное влияние и влечение – важнейшее средство воспитания в православной педагогической культуре, которое педагог не должен трансформировать в претензии на духовное руководство. Магистральный путь такого учительства обозначил преподобный Серафим Саровский в своем поучении: «Стяжи Дух мирен и вокруг тебя спасутся тысячи», а его ярким образцом является житие преподобного Сергия Радонежского, воспитывавшего братию монастыря не столько словесными назиданиями, сколько собственным примером труда, смирения, милости и т. п. Вокруг себя он образовал такого рода общину, в духовной атмосфере которой у каждого раскрывались свои способности и особый подвиг подвижничества – иконописное творчество, основание новых монастырей, игуменство, литературный труд и т. д. Вдумчивое, с любовью отношение к каждому из братии монастыря позволяло преподобному Сергию Радонежскому увидеть личностные особенности в каждом и индивидуализировать свое воспитательное влияние, что в дальнейшем помогло ему безошибочно определить в человеке его духовное предназначение. Такого рода не просто индивидуальный подход, но воспитание индивидуальности возможно лишь с установкой на любовь к ближнему. *Чтобы увидеть в каждом личностную индивидуальность, нужно полюбить человека* – такова еще одна духовная доминанта православной педагогической культуры, и во многих случаях это помогает найти такую точку зрения, с которой личность проявляется в свете новых позитивных качеств. «Можно даже сказать, – отмечал прот. В. Зеньковский, – что любить определенную личность – это и значит овладеть той точкой зрения, с которой перед нами выступает ее оригинальная, несравнимая ценность» [10, с. 60].

Таким образом, формирование теоретической мысли в контексте православной педагогической культуры происходило в неразрывном единстве от свидетельства и опыта святых. Святые, святость как особое видение Бога, жизни, мира – вот та путево-

дая звезда, которая направляет развитие личности и ее воспитание в православно-педагогической парадигме, тот «золотой запас», который нужно изучать и знать, но не только потому, что это наша история и основы нашей культуры, поскольку такого рода подход порождает бы отношение к святым лишь как некоей музейной ценности. Важная причина обращения в педагогическом процессе к образам святых – это то, что в их жителях мы непременно находим некий камертон для настроя духовной жизни. «Перед любым агиографом, – отмечает Е. К. Макаренко, – стоит задача изобразить образ святого, который должен отражать Первообраз» [11, с. 165], а потому в этих образах четко отражены нравственные критерии жизни, разграничены понятия добра и зла, красоты и уродства. В них ясно показано, как надо относиться к ближнему – не идеализируя, с одной стороны, но с другой – видя в нем объект любования, сострадания, уважения, жалости, помощи и защиты. «Жития святых для учащихся, – справедливо отмечает Л. Н. Урбанович, – могут стать определенным ориентиром в трудных жизненных обстоятельствах, в решении межличностных, межнациональных и религиозных проблем, которые актуальны во все времена, послужить примером того, как нужно переживать тяжелые испытания, оставаясь верным своему идеалу» [12, с. 12]. Знакомство с агиографической литературой дает в целом представление о христианском идеале личности и о христианских добродетелях. Важно и то, «что в жизни святых находят решение так остро переживаемые детьми проблемы справедливости, щедрости, послушания, прощения» [13, с. 40]. Кроме того, обращение к житиям святых может помочь избежать той часто встречающейся ситуации, когда «религиозная одаренность детской души» (прот. В. Зеньковский) «сталкивается с религиозной холодностью», что ведет к ослаблению и вырождению уже зародившегося религиозного чувства. Изучение житийной литературы поможет в этом смысле уйти от «ранней интеллектуализации религиозных переживаний ребенка» [цит. по: 14,

с. 117] к их образному оформлению, рассмотрению, например, основных христианских добродетелей через призму жития святого. Каким образом этого можно достичь? Если обратиться к лингвокультурологическим положениям, то в них находим утверждение о том, что концептуализация понятий и связанная с ней процедура введения представлений в массив эмпирических данных, закрепления их в сознании реализуется через словоупотребление. Ю. В. Коренева справедливо отмечает, что «мегаконцептом» житийной литературы является концепт «Святой/Святость». Причем в объем

этого концепта входят другие, «имеющие собственное смысловое поле», но одновременно и «работающие на раскрытие и углубление концепта Святой/Святость» [15, с. 83] – любовь, вера, надежда, послушание, смирение, подвиг и др. Работая с этими концептами на уроках, показывая их наглядную реализацию на житиях святых, возможно раскрыть и сформировать представление личности о той общей концепции мира, жизни и их ценностях, нравственности, которую мы называем христианской, и задать парадигму воспитания православного христианина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дивногорцева С. Ю.* Историко-теоретический анализ православной педагогической культуры в России: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2011. 39 с.
2. *Тузов М. Л.* Древнерусская агиография в философском аспекте // Уч. зап. Казанского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, № 1. С. 149–158.
3. *Шмеман А., протопресв.* Основы русской культуры. М., 2017. 412 с.
4. *Дорофеева Л. Г.* «Ангел во плоти». Образ святой в житии преподобной Марии Египетской: к проблеме понимания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 5-1(23). С. 58–61.
5. *Флоренский П. А.* Имена: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. 439 с.
6. *Лепяхин В. В.* Икона и образ // Икона в русской словесности и культуре: сб. ст. / сост. В. В. Лепяхин. М., 2012. С. 1–71.
7. *Дорофеева Л. Г.* Человек смиренный в агиографии Древней Руси (XI – первая треть XVII века). Калининград, 2013. 435 с.
8. *Зеньковский Василий (прот.).* Педагогика. М., 1996. 153 с.
9. *Святые русской земли.* М., 2007. 64 с.
10. *Зеньковский В. В.* Педагогические сочинения / сост. Е. Г. Осовский, О. Е. Осовский. Саранск, 2002. 806 с.
11. *Макаренко Е. К.* Жанровое своеобразие «Жития святого праведного старца Феодора Томского»: к проблеме современного агиографического канона (Ч. II) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2016. № 6 (159). С. 161–168.
12. *Урбанович Л. Н.* Интеграция агиографической литературы в содержание образования как ресурс духовно-нравственного воспитания школьников // Вестник ПСТГУ. Сер. IV: Педагогика. Психология. 2018. Вып. 48. С. 9–18.
13. *Кравченко С. М., Болотова Е. А.* Значение образа святых в формировании духовно-нравственного облика ребенка // Вестник ПСТГУ. Сер. IV: Педагогика. Психология. 2016. Вып. 3 (42). С. 36–44.
14. *Антонов К. М., Колкунова К. А.* Василий Васильевич Зеньковский: религиозное переживание как основа психологии религии и идеи религиозного воспитания // Вестн. ПСТГУ. Сер. IV: Педагогика. Психология. 2018. Вып. 48. С. 107–120.
15. *Коренева Ю. В.* Концепт свет в русском языке и житии святого как нравственно-назидательном произведении // Вестн. Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. 2016. № 3 (94). С. 83–86.

REFERENCES

1. Divnogortseva S. Yu. Istoriko-teoreticheskiy analiz pravoslavnoy pedagogicheskoy kul'tury v Rossii. *Extended abstract of ScD dissertation (Education)*. Moscow, 2011. 39 p.
2. Tuzov M. L. Drevnerusskaya agiografiya v filosofskom aspekte. *Uch. zap. Kazanskogo un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki*. 2011, Vol. 153, No. 1, pp. 149–158.
3. Shmeman A., protopresv. *Osnovy russkoy kul'tury*. Moscow, 2017. 412 p.
4. Dorofeeva L. G. “Angel vo ploti”. Obraz svyatoy v zhitii prepodobnoy Marii Egipetskoy: k probleme ponimaniya. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2013, No. 5–1(23), pp. 58–61.
5. Florenskiy P. A. Imena: Sochineniya. Moscow: EKSMO-Press; Kharkov: Folio, 1998. 439 p.
6. Lepakhin V. V. Ikona i obraz. In: Lepakhin V. V. *Ikona v russkoy slovesnosti i kulture: sb. st.* Moscow, 2012. Pp. 1–71.
7. Dorofeeva L. G. *Chelovek smirennyy v agiografii Drevney Rusi (XI – pervaya tret XVII veka)*. Kaliningrad, 2013. 435 p.
8. Zenkovskiy Vasilii (prot.). *Pedagogika*. Moscow, 1996. 153 p.
9. Svyatye russkoy zemli. Moscow, 2007. 64 p.
10. Zenkovskiy V. V. *Pedagogicheskie sochineniya*. E. G. Osovskiy, O. E. Osovskiy (comps). Saransk, 2002. 806 p.
11. Makarenko E. K. Zhanrovoe svoeobrazie “Zhitiya svyatogo pravednogo startsa Feodora Tomskogo”: k probleme sovremennogo agiograficheskogo kanona (Part II). *Vestn. Tomskogo gos. ped. un-ta*. 2016, No. 6 (159), pp. 161–168.
12. Urbanovich L. N. Integratsiya agiograficheskoy literatury v sodержanie obrazovaniya kak resurs dukhovno-nravstvennogo vospitaniya shkolnikov. *Vestnik PSTGU. Ser. IV: Pedagogika. Psikhologiya*. 2018. Iss. 48, pp. 9–18.
13. Kravchenko S.M., Bolotova E. A. Znachenie obraza svyatykh v formirovaniy dukhovno-nravstvennogo oblika rebenka. *Vestnik PSTGU. Ser. IV: Pedagogika. Psikhologiya*. 2016, Iss. 3 (42), pp. 36–44.
14. Antonov K. M., Kolkunova K. A. Vasilii Vasilyevich Zenkovskiy: religioznoe perezhivanie kak osnova psikhologii religii i idei religioznogo vospitaniya. *Vestn. PSTGU. Ser. IV: Pedagogika. Psikhologiya*. 2018, Iss. 48, pp. 107–120.
15. Koreneva Yu. V. Kontsept svet v russkom yazyke i zhitii svyatogo kak npravstvenno-nazidatelnom proizvedenii. *Vestn. Novgorodskogo gos. un-t im. Yaroslava Mudrogo*. 2016, No. 3 (94), pp. 83–86.

Дивногорцева Светлана Юрьевна, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой педагогики и методики начального образования, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; профессор кафедры педагогики Института «Высшая школа образования», Московский педагогический государственный университет

e-mail: sdivogortseva@mail.ru

Divnogortseva Svetlana Yu., ScD in Education, Chairperson, Pedagogy and Methods of Primary Education Department, Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities; Professor, Pedagogy Department, Institute “Higher School of Education”, Moscow Pedagogical State University

e-mail: sdivogortseva@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.01.2020
The article was received on 16.01.2020